

Современный консерватизм: параметры трансформации

Часть I. Б.В. Межуев

В основе наших трех выступлений – исследование, которое мы проводили в рамках группы “Terra America”, представляемой нами здесь.

Речь идет о том консерватизме, который сейчас возникает, и о том, с которым Россия могла бы взаимодействовать. И хотя нам представляется, что все без исключения консерваторы в мире нас любят, это не так. Есть консерваторы, которые нас совсем не любят. Различению консерваторов, которые готовы нас полюбить, с теми, кто не готов, и посвящено наше исследование.

Прежде чем обсуждать тенденции эволюции современного консерватизма, следует вначале договориться об определении этого понятия. По мнению одного из наиболее влиятельных исследователей феномена «консервативного мышления» немецкого социолога Карла Мангейма, консерватизм, или как он предпочитал говорить, «консервативное мышление», возникает в эпоху, наступившую после господства идеологии Просвещения, приведшей к Французской революции XVIII века. «Консервативное мышление», по Мангейму, представляет собой прямую антитезу просветительскому рационализму – господству разума консервативное сознание противопоставляет веру в традицию и предвзвешенность.

В работе «Консервативная мысль» (1953) Мангейм подверг анализу феномен немецкого консерватизма начала XIX века, возникшего как реакция на Французскую революцию. «Если рассуждать *a priori*, – писал Мангейм, – на тему, какая группа делает акцент на жизни, а какая строит теории, опираясь на абстрактные неизменные понятия, то следовало бы сказать, что на жизнь упор делают прогрессисты, а консерваторы полагаются на жесткие нормы и абстракции. Однако беглый взгляд на исторические события убеждает нас, что в действительности было как раз наоборот. Причина этого заключается, очевидно, в том, что революционная мысль буржуазии возникала в союзе с рационализмом. А потому реакция приняла противоположную идеологию, как для оппозиции, так и для более значительных целей. Революционная мысль черпает силы в желании реализовать точно определенный образец совершенства политического и общественного порядка. Консервативная мысль, противостоящая реализации этой утопии, должна непременно задуматься над тем, почему современное состояние общества не соответствует этому рациональному образцу».

В русской философии XIX–XX века постепенно вызревает принципиально иное истолкование консерватизма, в котором это идеологическое направление воспринимается как противостоящее не столько рациональности и разуму – ценностно ориентированному или технически-инструментальному, сколько регрессу и хаосу. Любопытно, что это понимание «консервативной мысли» не было связано с каким-либо определенным политическим лагерем: оно отличало откровенного реакционера Константина Леонтьева с его страхом перед эн-

тропией всеобщего уравнивания, религиозного либерала Владимира Соловьева, видевшего цель государства в том, чтобы общество не стало адом, и левого христианского мыслителя Николая Бердяева, доказывавшего в «Философии неравенства», что консерватизм «препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию».

В России, как отчасти и в Германии в конце XIX века, такое переосмысление консерватизма оказалось возможным в силу известного кризиса рационалистической философии, утраты веры в разумность исторического процесса и распространения пессимистических настроений в духе Шопенгауэра и «философии жизни», согласно которой наиболее фундаментальной силой, господствующей как в природном, так и социальном бытии, является иррациональная воля.

Однако воскрешение нового рационалистического историзма в виде различных версий социализма и социал-прогрессизма вновь сделало актуальным представление о консерватизме именно как об антирационалистической, антипрогрессистской силе, критически воспринимающей наиболее фундаментальные тенденции современного мира, в числе которых в первую очередь нужно указать вмешательство государства в сферу экономики, утверждение социального государства и достижение гендерного и этно-расового равенства. Поскольку социальная и классовая природа этих двух консерватизмов – антиреволюционного и антибуржуазного конца XVIII – начала XIX века и антисоциалистического середины XX века – были не вполне одинаковы, складывалось логическое предположение, что данная идеология в отличие от либерализма и социализма не обладает постоянным ценностным ядром, консервативной интеллектуальной традиции не существует, а политическая направленность консерватизма зависит от ситуации. Так возникло ситуационное понимание консерватизма, которое разработал политолог Сэмюэль Хантингтон¹.

Британский опыт политического консерватизма работал как раз на эту трактовку. Если в XIX веке консервативная партия Великобритании выступала за промышленный тариф и протекционизм, то в XX столетии под руководством Маргарет Тэтчер та же партия стала выразительницей идеи свободной торговли. Консервативным в этом консерватизме было только то, что его сторонники негативно относились к модным экономическим и политическим воззрениям.

Тем не менее, с нашей точки зрения, у консерватизма существует особое ценностное содержание, которое можно выделить аналитически, которое сохраняло свою инвариантность при всех предшествующих трансформациях консервативной идеологии на Западе и которое, возможно, сейчас претерпевает радикальные изменения.

При попытке концептуализации консерватизма сразу возникает целый ряд существенных проблем. Хотя формально в современной общественно-идеологической ситуации консерваторам, как правило, противостоят либералы, в действительности консерватизм и либерализм – как идеологические комплексы, а не как наименования конкретных партий или течений – не являются непосредственными идеологическими соперниками. Консерваторы вообще никогда, даже в момент своего исторического возникновения после Француз-

¹ По мнению С. Хантингтона, «обнаружения консерватизма представляют собой просто параллельные идеологические реакции на сходные социальные ситуации. Содержание консерватизма по существу статично. Его проявления исторически изолированы и дискретны. Как ни парадоксально, консерватизм, будучи защитником традиции, сам существует без традиции. Консерватизм – этот призыв к истории, сам без истории» [2, р. 469]. Сходно с ним и британский политический философ Майкл Оукшотт в статье «Что значит быть консерватором» (1956) утверждал, что в основе консерватизма лежит психологическая предрасположенность к признанию преимущества настоящего перед любым неопределенным, хотя, возможно, и привлекательным будущим [см.: 1, с. 65–90].

ской революции XVIII века, не выступали против «свободы», причем почти в любом ее понимании.

Соотнесение либерализма со «свободой» тоже весьма относительно, учитывая как разноречивое понимание этого понятия, так и многообразие версий либерализма в истории общественной мысли – этим термином часто называются противоположные друг другу политические течения. Но главное не в этом, а в том, что ценностное ядро консерватизма никогда не было нацелено против «свободы», в том числе свободы индивидуальной и частной. Радикальный государственный этатизм гоббсовского толка никогда не обозначал себя термином «консерватизм». С другой стороны, история общественной мысли знает немало примеров возникновения различных «либерально-консервативных» синтезов – от Берка до Петра Струве.

Исторически консерватизм был ориентирован не против либерализма, но против «прогрессизма», прежде всего в его радикально-революционной версии. Консерваторы выступали не столько в защиту статус-кво, сколько против культа будущего в социальном мировоззрении и прежде всего того будущего, которое представлялось, с точки зрения учета основных тенденций современности наиболее вероятным. Для консерватора оптимальное будущее никогда не являлось будущим наиболее вероятным. Отсюда некоторая жесткость консерватора в плане защиты общественных установлений, препятствующих движению в то самое наиболее вероятное будущее, которое представляется консерватору далеко не идеальным.

Что не устраивает консерваторов в прогрессизме и том будущем, которое оно с собой несет? Не устраивают консерваторов, как правило, две вещи – то, что прогресс ориентирован на социальное равенство, на политическое равноправие и полное устранение всех возможных общественных иерархий, включая преимущества тех или иных этнических, гендерных, сексуальных групп, а также то, что прогресс неразрывно связан с окончательным разрывом общества с религиозной традицией.

Ценностное ядро консерватизма двухсоставно – консерваторами называют тех, кто выступает против тотальности равенства и тех, кто выступает против тотальности секуляризации. Все остальные характеристики и черты, присущие определенным историческим разновидностям консерватизма, производны от этих двух черт – от признания ценности той или иной иерархии, иерархии как таковой, и от признания значимости той или иной религиозной традиции, или опять же – традиции как таковой. Скажем, защита экономической свободы консервативными либертарианцами в США производна от идеи защиты экономического, а в подтексте также и этнического неравенства как некоего природного факта, который пытается нивелировать индоктринированное либеральными идеями современное государство.

Точно так же отрицание просветительского рационализма было мотивировано, в частности, сохраняющимся до середины XX века стремлением элит бороться за те или иные цензовые ограничения в плане избирательного права. Неприятие абстрактного рационализма во многом вытекало и служило основанием для критики равноправия абстрактных, отвлеченных от своей социально-культурной конкретности, индивидов и примата абстрактного большинства. Отсюда вытекает протест против «великого общества» Линдона Джонсона, сопротивление либеральным прогрессистским настроениям, идущим от «нового курса» Рузвельта. А борьба с дарвиновским учением, а также легализацией однополых браков вытекает из необходимости защиты религиозной традиции или, во всяком случае, из примата борьбы с тотальностью секуляризации.

Проблема, однако, заключается в том, в какой степени идейное ядро консерватизма можно считать внутренне не противоречивым – проще говоря, в ка-

кой мере борьба за иерархию логически обуславливает борьбу за религиозные основы общества и наоборот. Можно предположить, что в современном мире возникает все больший зазор между этими двумя хотя и связанными исторически, но тем не менее не имеющими строго логической связки ценностными основаниями консерватизма.

Отчасти этот зазор связан с возникновением новых видов иерархий. Тех, которые по сути своей не вполне совместимы с приматом религиозной традиции. Например, иерархии государств, на вершине которой находятся Соединенные Штаты. Обоснование этой иерархии часто обнаруживается не только в том, что США – лидер демократического мира, но и в том, что в США религия отделена от государства и ни одна конфессия не пользуется здесь государственными привилегиями. Весь смысл неоконсерватизма, собственно, и заключается в необходимости идеологической защиты именно этой международной иерархической пирамиды.

Несомненно также, что процесс секуляризации обеспечивает определенные преимущества – в том числе культурные, социальные и экономические – меньшинствам, для которых сохранение в обществе пережитков религиозной традиции являлось основанием их дискриминации. Такими меньшинствами могут считаться люди нетрадиционных сексуальных ориентаций, активисты гендерного равноправия, а также этно-религиозные меньшинства.

Признание и ценностное утверждение этих новых секуляризированных или, точнее, пост-религиозных иерархий опять же выдвигает запрос на обновленное консервативное самосознание, уже явно не находящееся в связке с религиозным традиционализмом.

Наконец, возникает и обратная реакция – бунт против новых иерархий логически сближает сторонников равенства – то есть левых – и так называемых социальных консерваторов. В Америке разговор о таком лево-правом альянсе против «новых элит» и «новых иерархий» идет постоянно, именно это является предметом диалога традиционных левых типа социального активиста Ральфа Нейдера и традиционных правых типа публициста Патрика Бьюкенена¹.

Некоторую устойчивую почву этот процесс лево-правого сближения может обнаружить в своего рода промежуточном идеологическом течении, позволяющем снять крайности левого и право-консервативного подходов, а именно – либертарианстве. Можно предположить, что популярный лидер, предположительно республиканец, представляющий либертарианское движение, но не занимающий в нем крайне правые позиции, сможет взять голоса той части электората Демократической партии, которая разочарована в левом прогрессизме после неудачного президентства Барака Обамы.

Это лево-правое сближение происходит в настоящее время очень непросто, но тем не менее оно оказывается вполне реальным, и нужно подчеркнуть, что консервативный месседж Владимира Путина, отразившийся в его речи в Валдайском клубе, находит свой отклик преимущественно в тех средах, которые в наибольшей степени открыты для диалога и сближения левых и социальных консерваторов.

Здесь можно вспомнить весь круг интернет-издания «Counterpunch», занимающего по всем вопросам более чем пророссийскую политику: на этом сайте был ведущим колумнистом бывший заместитель министра финансов в администрации Рейгана Пол Крейг Робертс. Стоит вспомнить и журнал «Американский консерватор», ведущий редактор которого Род Дрейер – публицист православного вероисповедания, сочетающий приверженность христианскому

¹ Ralph Nader: Conservatively Speaking // The American Conservative. June 21, 2004. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/ralph-nader-conservatively-speaking>

традиционализму и озабоченность экологическими проблемами. Именно Род Дрейер вслед за Патриком Бьюкененом назвал Путина лидером христианского консерватизма во всем мире и сказал, что «христиане на Ближнем Востоке имеют большего друга во Владимире Путине, чем в Бараке Обаме и Джордже Буше»¹. К левым консерваторам того же толка стоит отнести и лидера Национального фронта Марин Ле Пен во Франции², о которой левый экономист Жак Сапир с явной симпатией говорил как о фактически главной защитнице социальных интересов большинства в сегодняшней Франции. И так, во всех тех общественных средостениях, где левая идея смыкается с традиционалистской, там Россия пользуется наибольшей поддержкой.

И любопытно, что от России отворачиваются, по понятным причинам, как антитрадиционалистски настроенные левые, для которых наша страна остается оплотом мракобесия и олигархического капитализма, так и твердые в своей правизне социальные консерваторы, например, правые католические публицисты типа Джорджа Вайгеля или Билла Беннета, видящие в России полноправную наследницу атеистического Советского Союза или же уклонившейся от правильного религиозного пути Византии.

В тех же средах, где левые и консерваторы могут соприкоснуться и где они приходят к взаимопониманию, мгновенно возникает сочувствие к России как силе одновременно и консервативной, и в определенной степени революционной по отношению к существующему миропорядку.

Между тем, надежды на то, что консервативная идеология Путина найдет множество сторонников на Западе, могут быть чрезмерными в силу того, что в США блестяще работает идеологическая полиция, которая зорко подмечает все имеющиеся в общественном мнении высказывания в пользу российского президента и очень жестко блокирует распространение симпатий к России и ее лидеру. После валдайской речи немедленно были поименованы во множестве статей и подвергнуты жесткой критике все те консерваторы, кто позитивно откликнулся на обращение Путина к христианским традициям Европы, включая вышеупомянутых Бьюкенена и Дрейера, а также лидера Американской семейной ассоциации Брайана Фишера, назвавшего Путина «львом христианства»³. Тем не менее сам факт этой идеологической кампании, нацеленной на подавление путинизма среди консерваторов Америки, свидетельствует о том, что опасения относительно скрытых симпатий традиционалистского большинства к Путину имеют под собой некоторые основания.

¹ Putin The Paleo? // The American Conservative. December 18, 2013; URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/putin-the-paleo/>

² Сапир Ж. Националисты приобретают респектабельность // Известия. 2013. 16 октября. URL: <http://izvestia.ru/news/558781>

³ Fischer Praises Putin, Calls Him A 'Lion of Christianity' // Right Wing Watch. October 10, 2013. URL: <http://www.Rightwingwatch.org/content/fischer-praises-putin-calls-him-lion-christianity>

Литература

1. Оукшотт М. Рационализм в политике. М.: Идея-пресс, 2002.

2. Huntington S. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. № 51.

М.М. Федорова. Вопросы, соображения, ремарки.

О.К. Авдеев. Борис Вадимович, как вы считаете, деление консерватизма на левый и правый имеет методическое значение или ситуативное?

Б.В. Межуев. Некий пас организаторам. В этом смысле хорош образ Бердяева. Он является важной и репрезентативной фигурой, потому что, хотя и очень противоречиво, сочетал в себе эти две составляющие. Несомненно левый, особенно в поздний период, и несомненно консервативный, если понимать под этим христианский традиционализм в широком смысле. Бердяев, вынужденно оказавшись в эмиграции в Германии, обнаружил интересную вещь: почти вся германская философия начинает отходить от христианства. В 1920-х годах это практически приобретает характер идеологического события (Мартин Хайдеггер, Макс Шеллер, Макс Вебер, Людвиг Клагес, Николай Гартман). Хайдеггер видел большой плюс в том, что представления о Боге и Бытии расходятся в разные стороны. Бердяев, как и Франк, увидел в этом знак беды. «О назначении человека» Бердяева – в значительной степени работа, этому посвященная, причинами, почему западная, немецкая философия, которая вроде бы уже преодолела в очередной раз все свои кризисные явления эпохи неокантианства, вновь отходит от христианской традиции. Предчувствие постхристианства – это самая интересная черта русской философии. Ваш вопрос немного о другом, я понимаю. Может ли быть соединение «левого» и «правого».

О.К. Авдеев. Сейчас некоторая ситуация сложилась в рамках партии Марин Ле Пен...

Б.В. Межуев. Я думаю, это некий тренд, связанный с двумя вещами. Во-первых, возникла мировая иерархия государств, и наверху ее находится пионер секуляризации, Соединенные Штаты. Во-вторых, в результате этой секуляризации внутри в первую очередь Европы и Евросоюза наверх выходят

представители тех меньшинств, которые считают себе дискриминированными в результате сохранения остатков религиозной традиции современной Европы. Эти два фактора обуславливают парадоксальное схождение левых и традиционалистов, что полезно для российской внешней политики.

В.А. Никонов. Хотел бы обратить внимание на три момента. Первый – это противопоставление либералов и консерваторов. Второе – это чистый консерватизм и консерватизм, смешанный с левым. Консерватизм и либерализм – это действительно традиционное противопоставление, но в реальной жизни, в реальной политике на Западе среди правящих партий нет либеральных. Единственный либерал, который правит на Западе, это Барак Обама. В Европе нет ни одной либеральной партии у власти: там либо консерваторы, либо социалисты. Европейский либерализм как бы растворился, теперь дихотомия другая: консерватизм – социализм, христианская демократия – социализм. Идея либерализма в Европы политически мертва. Еще имеет место слияние прогрессизма с либерализмом, что еще более усиливает названную политическую дихотомию.

По поводу «чистых консерваторов»: это тоже очень редкая порода, а за пределами Запада их в принципе нет. Это западный феномен. Со стороны чистого консерватизма путинская консервативная модель не встречает поддержки. В Европе в чистом виде – это Европейская народная партия, самая большая партия в Европарламенте, и сейчас она выигрывает парламентские выборы. Идеологическая близость очевидна, но понимания нет. Героями постсоветского пространства для Европейской народной партии являются Тимошенко и Саакашвили. А там, где правые сходятся с левыми, у нас, действительно, хорошие шансы, хорошее понимание. Часто так происходит в странах с левым правительством и сильными католическими традициями (Венесуэла, Бразилия, Никарагуа – это те страны, где нас хорошо понимают, сочетание левой традиции с традиционными ценностями).

М.М. Федорова. Вы говорите о возобладании союза консервативного и левого в Америке, в других западных странах. Это страны, которые прошли путь модернизации, прошли развитие идеи правового общества и правового государства. В них понятен синтез правого и левого и выход на левоконсервативный синтез. К чему может привести этот синтез нашу страну, у которой не было опыта в строительстве правового государства? Россия живет вне правового поля. У нас нет такого правового поля, которое существует на Западе. Как в этих условиях этот синтез будет работать и к чему он может привести?

Б.В. Межуев. Нужно сделать уточнение. Во-первых, я не говорил о синтезе, речь идет о сближении. Синтез – это некая далекая цель. Пока речь идет о сближении различных дискурсов. Сам факт этого сближения, безусловно, неслучаен. Что происходит в России? Необходимо разобраться с тем, что есть консерватизм, в чем он должен заключаться и какие традиционные ценности являются в полном смысле слова традиционными. Разумеется, не все те ценности, которые существовали в российской истории, являются в точном смысле слова той национальной традицией, которая должна сохраняться. Здесь невозможно говорить о таком сближении абстрактно. Разумеется, у нас это будет иметь свой определенный звук.

Что очевидно? Возникает некое общественное осознание факта нетождественности Западной Европе в ее нынешнем постсовременном облике – тому, что называется восстанием меньшинств. Это воспринимается, что здесь есть раскол. Если сейчас России, условно говоря, попытаться трансформировать европейский стандарт – в результате будет огромный всплеск недовольства. Кроме того, становится понятным, что необходимо как-то переосмыслить роль религии в обществе. Запись в Конституции, что у нас светское государство, это ровно такое большевистское наследие, как и целый ряд других установлений. Никакого референдума по этому поводу не было (если не считать референдума по Конституции

декабря 1993 года). Эта позиция никак не осмысливается философски: что такое светское государство и что такое отход от светского государства. Насколько в обществе существуют традиционные установления, и в какой мере оно может его определять? Например, в России никогда не было дискуссии об абортах – что, может быть, и хорошо. Если сейчас начать это проблематизировать, то неизвестно, к чему оно приведет. В Америке это главная тема общественной дискуссии. И все-таки отсутствие в России дискуссии по этому поводу это плохо. Потому что это проблема ценности человеческой жизни. Эта проблема в таком конкретном вопросе должна быть как-то философски осмыслена. Фигура умолчания вокруг данной проблемы – это следствие нашего варварства и невежества, а не продвинутого в области постсовременности. Конечно, консерватизм в России будет сочетаться с пониманием того, что есть современность. Между стремящейся к современности Россией (а она все равно будет к ней стремиться по причине «возрастной категории»; современность – это взрослое состояние общества, которое не терпит патриархального контроля), но при понимании того, что существует серьезное общественное сопротивление движению в эту постсовременную историю.

М.М. Федорова. А что касается политической модели? Я не говорю о классическом консерватизме XVIII – конца XIX века. А современная политическая модель? Не может ли внедрение этих консервативных тенденций, традиционных ценностей, идей десекуляризации и т.д., которые лягут на общество, не прошедшее период модернизации, привести к авторитарным тенденциям совершенно иного плана, чем те, которые были в нашей истории?

Н.В. Злобин. У меня сложилось такое впечатление, что для продвижения консервативных ценностей необходимо в значительной степени отказаться от ценностей традиционных.

Б.В. Межуев. Наши авторитарные тенденции пошли не от консерватизма, они, как известно, пошли от либерализма. Авторитарная Конституция принята в 1993 году под влиянием ультралиберальных идей и стремления быстро модернизировать страну, невзирая на консервативную историю. Идеальным вариантом развития нашего политического социума было бы пробуждение обратной реакции, когда консерватизм при сопротивлении либеральному модернизирующему авторитаризму пробуждает и опирается на демократические силы. Соединение консерватизма и демократичности, собственно, создавало везде феномен устойчивой демократии. Во Франции Третья республика возникла после того, как роялисты решили проблему власти в ситуации раскола среди самих роялистов. Пока консерватизм в России не сошелся с идеей демократии (в этом смысле левоконсервативный синтез является важным фактором), пока консерватизм не нашел для себя демократическую форму – это будет причиной многих проблем. Но все-таки первопричиной авторитарного разворота в России является никак не связанная с консерватизмом идея (начиная с Петра Великого) авторитарным путем выбросить Россию из отсталости. Генезис авторитаризма всегда такой – начиная с Ивана Грозного и кончая Ельциным.

Н.В. Злобин. Получается, чтобы это соединение произошло, надо отказаться от архаического устройства политической системы, традиционной для России.

Б.В. Межуев. Возможно, надо отказаться. Проблема заключается в том, что отказаться от нее – не означает сесть и проголосовать за это. Чем мы должны были заниматься четыре года медведевской модернизации и чем занимались в реалии? В эти годы у власти находился ее либеральный сегмент, меньше всего говорили о смене политической модели, вообще об этом не говорили. Когда же об этом говорили мы – небольшая группа сидящих здесь коллег, – на нас смотрели как на сумасшедших, так как это не соответствовало политике либеральной партии. Дескать, Медведев должен стать нашим

диктатором, как писали сотрудники Института современного развития. А мы говорили, надо развивать партию «Единая Россия», потому что только правящая партия может стать основой парламентаризма. Ни к чему это не привело. То есть как только нам была дана историческая возможность совершить некий демократический поворот, демократическую модернизацию, вместо этого начались опять попытки сыграть на «давайте приведем нашего человека к власти и дадим ему неограниченные полномочия». Из-за этого все наши сбой демократического транзита, а не из-за консервативных инструментов. Хотя, разумеется, внешнеполитический климат играет важную роль, и в ситуации ужесточения внешнеполитической ситуации возобладает политическая мобилизация, которая модернизации не способствует. Но в то время, в 2009–2011 годах, вообще не было никаких внешних политических вызовов. И вместо того чтобы говорить о смене внутривнутриполитической модели, которая привела бы к более мягкому транзиту, говорили о чем угодно. О том, что нужно лампочки менять, айфоны с айпадами развивать, что губернаторов надо выбирать. Поэтому я не стал бы связывать все наши проблемы политического транзита с консерватизмом как доминирующей силой в общественном дискурсе. Мне кажется, это разные вещи. Там, где они пересекаются, там пересекаются, но они не всегда пересекаются. Вспомните, что основные наши авторитарные всплески – самые страшные – были связаны с модернизацией. Просвещенное меньшинство пытается научить непросвещенное большинство, как ему жить.

М.М. Федорова. У меня предложение: дать слово Марине [М.М. Мчедловой. – *Ред.*] и заслушать следующего докладчика. Затем продолжим дискуссию по поводу всех трех выступлений.

М.М. Мчедлова. У меня возникли мысли философического контекста. Мне кажется, они вытекают из доклада и могут послужить методологической основой последующих исследований консерватизма. Ключевая идея – не только в выборе модели консерватизма для

России, но и чтобы эта модель (в практике или идеях) способствовала консолидации общества. Остановлюсь на четырех моментах. Первый – вопрос о смене коннотаций консерватизма, что привело к тому, что чистых консерваторов практически вообще нет. Существует ли чистый консерватизм сейчас, не претерпел ли он смысловую эволюцию, как и многие другие понятия и концепты, и не отражает ли он уже совсем другие референты и референции современного мира? В процессе ряда исследований даже пересекаются цивилизационные теории, а именно в моменте фиксации культурного плюрализма и самобытности в противовес прогрессивному, о линейных практиках метанарратива модерна. Даже в цивилизационных теориях произошел ключевой эпистемиологический поворот: в XVIII веке цивилизация была идеалом общественного устройства, которого пытались достигнуть, сегодня же акцент делается на различиях и на идентичности. Во многом консерватизм, в той проекции, в которой он артикулируется у нас, делает акцент на различиях, на самобытности.

Второй момент. Консерватизм не возникает как ответ на идеологию, он возникает как поиск еще одного ответа на разрушения социальной и политической структуры и ценностных оснований. И сейчас, вероятно, есть потребность в формулировании этого ответа, который не может быть описан в традиционных рамках, и это требует еще раз переосмыслить концепт и концептуальную область, но и вообще возможность применения.

Третий момент – это проблема религии. Приятно, что она затронута. Сейчас не очень распространена в общественном дискурсе проблема переосмысления религиозного фактора в политике, переплетения религии и политики. Еще Хабермас писал, что политическое становится политическим за счет приписывания религиозных значений. Теоретик секуляризации Питер Бергер в 1999 году очень расстроился, сказав: «Да нет, мир-то очень даже религиозен, и он эволюционирует, развивается». Он больше книжки не пишет, дает

интервью, но уже в парадигме десекуляризации и постсекуляризации. Это большая проблема, и я абсолютно согласна, что политико-правовой принцип светскости требует переосмысления; требуют переосмысления вообще формы взаимоотношения религиозного и светского и понимание религиозного, от веры как трансценденции до критерия идентичности, до деятельности религиозных институтов как акторов политического целеполагания.

Последний, четвертый момент – это государство. Консерваторы и государство – одна большая и интересная проблема. Русский консерватизм, начиная от Карамзина, Уварова, настаивал на чуть ли не сакрализованной функции государства, на государстве как одной из точек притяжения всего того способа конструирования картины мира, или мировидения, которое дает консерватизм. Если обратиться к сегодняшним социологическим исследованиям: востребовано ли сильное государство в обществе? Готово ли население поддержать сильное государство? Если посмотреть на цифры с одной и с другой стороны, вырисовывается интересная картина. Да, есть запрос на сильное государство, но на какое? Не на то, у которого броня крепка и танки быстры. А на то, которое а) выполняет социальные функции и б) обеспечивает главную позитивную функцию государства – единство и выражение общих интересов, агрегацию частных интересов в общие. Это основной запрос, который дает общество государству, и оно готово поддержать государство в этих функциях. Третий вопрос – это справедливость. Справедливость – это надпись на знамени, за справедливостью пойдет кто угодно, справедливость – это идеологическое обоснование и религиозных исламистов, и папы Франциска, и многих светских партий правого и левого толка. Зачастую справедливость начинает восприниматься в контексте плюрализма и консерватизма, может быть, переосмысленного, но ради которого предлагается иной идеологический и политический вариант развития.

Часть II. Н.А. Куркин

У нас доклад действительно коллективный, и в нем представлены разные грани проблематики консерватизма. Основной задачей нашей работы было показать различия между ретроградной и консервативной политикой. Слово «консерватизм», в частности для людей, принимающих решения в Российской Федерации, ассоциируется с понятием ретроградности (замшелости, архаики и прочего набора синонимов, имеющих негативное смысловое наполнение). Но это несправедливо в самом своем основании, ибо консерватизм является одной из форм развития. Это очень хорошо видно, если мы посмотрим, что произошло в мире после 1991 года и в каком состоянии пребывает планета? Я хочу сказать о факторе, о котором многие забывают в своих размышлениях, это фактор времени. Когда господин Фукуяма объявил «конец истории», он не предполагал, каких потрясающих результатов достигнет этим словосочетанием. После 1991 года большая часть мира в этом конце истории и живет. Более того, она живет не просто в конце истории, а в фукуямовском времени, то есть во времени, которое завершилось, во времени идеального свершения. Это общество живет в циклическом времени: угроза идеального общества, борьба с угрозой идеального общества, победа над врагом идеального общества. И поэтому когда возникает ощущение дисконнекта, непонимания в общении с американскими элитами и масс-медиа, это во многом обусловлено разницей временного потока. Из-за того, что мы долгое время живем в разных временных потоках, происходит различное смысловое наполнение общающихся друг с другом сторон. Вся история христианства, все христианское понимание идей и времени являются линейными, поэтому консерватизм для современной постсекулярной элиты является врагом идеологическим. Тех, кто находится в состоянии идеального времени, фукуямовского «конца истории», консерватизм никак не может устраивать, так как он идет по линии, которая имеет начало и конец, Страшный суд.

Когда христианство в начале Нового времени уходит из обыденной жизни, переходит на более высокие уровни, это становится менее заметным. Тогда появляется поколение хороших либералов, которые когда-то выступали за светлое будущее, и они становятся консерваторами по отношению к новому, светлому и красивому. Так и происходит цикл от либерального к консервативному. В какой-то момент, в середине XIX века, он подошел к своему исчерпанию, началась совсем другая история с появлением радикальных и революционных движений. Результатом уже этого витка развития явилось то состояние, в котором мы живем: американские и западные элиты живут в фукуямовском времени, а большая часть мира живет по-своему, во времени линейном. А в линейном времени развитие неминуемо, поэтому консерватизм по умолчанию является развивающей идеологией, но медленной, которая выступает за ограничение этого движения. То есть хватает собрата-либерала, который бежит вперед, и говорит: «Нет, погоди. Вот у нас произошел определенный этап, в котором мы хотим все это освоить, переработать и применить все самое лучшее». В результате консерватизм выступает с определенным набором идей, которые являются очень востребованными за пределами небольшой сферы, того, что называется американским и европейским.

Когда господин Киссинджер писал в 2006–2007 годах, что Россия живет девятнадцатым веком, он не предполагал, чем обернется его высказывание.

Такое обращение к XIX веку начинает играть на руку тем, кого обвиняют в принадлежности к политике XIX века. Политика XIX века предлагает очень большой набор идей, которые воспринимаются за пределами Pax Americana весьма дружелюбно, в частности идею суверенитета.

М.М. Федорова. Взаимодействие политической сферы и исторического времени чрезвычайно интересно. Может быть, мы сейчас зададим вопросы докладчику? Потом заслушаем еще один доклад и перейдем к дискуссии.

Е.Н. Минченко. Мне понравился этот подход – про фукуямовское счастливое состояние. На каких-то социологических данных вы основываетесь? Например, Испания входит в западный мир? Данные социологических исследований в Испании говорят о том, что они живут в идеальном обществе? В Греции тоже консенсус?

Н.А. Куркин. Речь идет об идеальном устройстве. Вот состояние, близкое к идеальному, его можно только улучшать. Никаких следующих состояний невозможно, ничего нового.

М.М. Мчедлова. А вы концепцию многослойности исторического времени не применяли?

Н.А. Куркин. Есть работа, которая подвела определенный итог этим размышлениям, – это книжка Роберта Купера «Мир постмодерна: современный политический порядок» 2002 года. В ней мир постмодерна – высшая ценность. Этот мир может делать все что угодно для своего сохранения, развития и подавления более низких существующих индустриальных и доиндустриальных форм развития.

М.М. Федорова. Нас ожидает еще более интересный доклад, давайте побережем наши силы. Пожалуйста, Кирилл Станиславович.

Часть III. К.С. Бенедиктов

Из всей группы я наименее склонен к теоретическим конструкциям. Мой доклад посвящен особенностям европейского консерватизма. Кто нам друзья, а кто нет? С кем имеет смысл налаживать мосты, а с кем – не имеет. А с кем это невозможно по определению?

После Второй мировой войны европейский консерватизм в политическом смысле получил колоссальную травму и развивался в условиях посттравматического синдрома, в густой тени итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Что только ни предпринимали консервативные партии, которые могли близко не иметь ко всему этому отношения, – на них всегда падала эта густая тень. Они были вынуждены дрейфовать в сторону победившего либерализма, они отравились этим ядом либерализма точно так же, как и социал-демократы. Яд в данном случае – это метафора, а не оценочное суждение. Если мы говорим, что либерализм как политическая вера растворился, то этот раствор либерализма проник как в консервативный лагерь, так и в социал-демократический. Из того, что сейчас называется европейским консерватизмом, значительная часть, если не сказать большая, это фальш-консерватизм.

Реальные консервативные движения, интеллектуальные группы, которые действительно сохранили консервативные ценности, выжили и развивались в очень жесткой и недружелюбной атмосфере. Взять, например, французских новых правых, ну не только французских, потому что это движение было и есть общеевропейское, есть и немецкие новые правые, есть и в Великобритании, в Бельгии, даже в Польше. Французские, наверное, наиболее показательны. Сколько они ни старались быть уважаемыми, выглядеть солидной философской, исторической школой, какие бы прекрасные иллюстрированные издания они ни издавали, либеральный мейнстрим их представлял исключительно фашистами, клеймил и гнобил. В течение многих десятилетий интеллектуальный потенциал европейского консерватизма подвергался давлению. В итоге новое правое интеллектуальное движение чрезвычайно многообразно, оно накопило большой интеллектуальный багаж, оно обладает хорошо разветвленной сетью школ и центров. Конечно, критики были в чем-то правы. Никто не заставлял ведущего немецкого нового правого Пьера Кребса называть свой интеллектуальный центр «Семинар Туле», мог назвать по-другому. Естественно, возникли ассоциации с Хаусхофером, с истоками национал-социализма. Между тем, именно Кребс ввел такие понятия, как «метаполитика» и «Евросибирь». «Евросибирь» – это проект русско-европейской интеграции, который был разработан в 1980-х годах, пользовался большим успехом у новых правых, был достаточно популярен среди приверженцев французского Национального фронта. У него [Пьера Кребса – *Ред.*] есть замечательная цитата, старая, но в нынешних условиях актуальная: «Метаполитическая идея пришла к заключению: противостоя-

нию Восточной и Западной Европы должен быть положен конец. Так, например, глупо Украине быть против России, а России против Украины». Это написано порядка двадцати лет назад.

Но новых правых систематически выдавливали с респектабельного политического поля. Даже те партии, которые питались интеллектуальной продукцией новых правых, как, например, Национальный фронт, не получили той мощной подпитки, которую могли получить. Марин Ле Пен, понятно, дочь основателя Национального фронта, она не так близка к идеям новых правых, как некоторые из советников ее отца. Национальный фронт – сейчас наш самый близкий, потенциальный союзник в Европе. Марин Ле Пен многократно заявляла, что поддерживает и Россию, и Владимира Путина, и политику в отношении Крыма. Ее гражданский муж, Луи Алио, активно в этом ее поддерживает. Несколько цитат Луи Алио: «Путин ставит на первое место стратегические интересы России, точно так же, как мы – стратегические интересы Франции. Это нас объединяет. Мы также полагаем, что Франции выгодно поддерживать сбалансированные отношения с Россией, США, Китаем, а не лебезить по любому случаю перед Америкой», «Путин вернул русскому народу чувство собственного достоинства, а России – причитающееся ей место в мировой геополитической структуре», «Он остается одним из последних в Европе защитников иудео-христианских ценностей, которые легли в основу нашей цивилизации».

Вторая проблема – очень много фальш-консерваторов, я для себя это назвал синдромом «чужого». На днях умер Гигер, создатель прекрасного персонажа из серии фильмов про «Чужого». Синдром «чужого» – это вызревание постхристианских сил в оболочке традиционного консерватизма. Таких партий много в Европе, многие из них на слуху, например, «Партия свободы» в Нидерландах. Вроде это консервативная партия, вроде продолжает бороться с нелегальной миграцией и т.д. В то же время, и это естественно для Голландии, очень либеральная позиция в области однополых браков, она достаточно антирелигиозная, ее лидер агностик и не признает никаких религий. В Скандинавии таких партий немало, причем многие из них сочетают убежденный евроскептицизм с абсолютно либеральной повесткой в области сексуального поведения и гендерных вопросов. Это удивительно, потому что евроскептицизм возник как ответ на постхристианский и, в перспективе, трансгуманистический проект. Каким образом в программах этих партий евроскептицизм уживается с абсолютным либерализмом в отношении постхристианских ценностей – малопонятно, но это нужно иметь в виду.

Почему true-консерваторы сейчас находятся в некотором гетто, а называющие себя консерваторами являются фальшивыми консерваторами? Одна из причин: существует противоречие между принципами этого true-консерватизма, основанного на традиционных ценностях, и духом современной глобальной инновационной экономики (мобильность рабочей силы, распределение энергетических сетей, готовность торговать и сотрудничать с кем угодно, креативность, толерантность как ценности). Не получается осуществить эффективный симбиоз консервативных ценностей и экономики инноваций. Из-за этого, в частности, возникает синдром «чужого».

Эта тема очень обширна, но вывод прост: когда мы говорим о поиске консервативных союзников, на них надо смотреть через рентгеновские очки, выявляя, кто действительно консерватор и кто консерватор только по имени. А с теми, кто действительно консерватор, надо искать не просто точки соприкосновения на уровне деклараций (это легче всего), а общие интеллектуальные площадки, стараться понимать друг друга, спорить друг с другом и развивать общие интеллектуальные модели.

В.А. Никонов. Я задам уточняющий вопрос. Вы сказали, что после войны консерваторы начали активно заимствовать либеральные идеи. Во-первых, после войны в побежденных странах консерваторы надолго пришли к власти: в Италии до 1964-го, в Германии до 1968-го, в Японии до 2009-го. На личностном уровне это все стопроцентно консервативные фигуры: Эрхард, Аденауэр, де Голль... Какие они либералы? С другой стороны, основная задача, которая ими решалась, была связана не столько с дефашизацией (что тоже было), но в гораздо большей степени – с искоренением левой заразы. Закручивали гайки так, что никакого либерализма и быть не могло. Для этого использовались жесткие приемы.

К.С. Бенедиктов. Либеральными там были в основном экономические принципы. Насколько я понимаю систему плана Маршалла, она была в основе либеральной. Голлизм – это интересный пример, который, с одной стороны, можно рассматривать как консервативное движение, и, с другой стороны, в 1958 году в первом туре выборов в Национальное собрание за ультраправых голосовали 2,6%, а к концу голлистского периода, в 1968 году, только 0,1%. То есть фактически происходило выдавливание true-консерватизма. Голлизм, безусловно, это не прогрессизм в нашем понимании. Как объяснить то, что при голлизме те движения, которые мы сейчас называем консервативными... Понятно, что никакого Национального фронта тогда не было, но его элементы, из которых он потом собрался, оказались вытеснены на обочину. Это не ответ на ваш вопрос, это встречный вопрос.

В.А. Никонов. Имела место внутривидовая борьба за электорат. Я не вижу там никакой либерализации консерватизма. Мой тезис – этого просто не было.

Е.Н. Минченко. Во время вашего выступления меня мучил один вопрос: как отличить «true-консерватора» от «фальш-консерватора»? Какие критерии?

К.С. Бенедиктов. Проще всего назвать фальшивого консерватора. Истинный консерватор – это папа Марин Ле Пен – Жан-

Мари, он “true”. Сама Марин представляет модификации в виде своего феминизма и т.д. Фальшивые это партия Вилдерса – Партия свободы.

Е.Н. Минченко. Я понял, что true-консерваторов не бывает. А апелляция к консерватизму является политической технологией. Самый правильный ответ на вопрос «Что такое консерватизм?» прозвучал в вопросе на тему многослойности времени, потому что, если мы возьмем Россию и известную модель Натальи Зубаревич про четыре России, то все четыре живут в четырех разных временах и у каждой из них есть свой консерватизм. Что такое «золотой век» Нижнего Тагила? Это 1970-е годы, рабочая солидарность, человек труда как главный человек в стране и т.д. Что такое сельский консерватизм? Это «пришел Маленков, поели блинков». Времена общинного устройства и Столыпина никто не помнит, это все сломано. Мой папа был выходцем из сельской России, и для него «золотым веком» были столыпинские времена, которые он не застал. Это когда они с границы Белоруссии и Украины ушли в Сибирь и спокойно пахали там землю, и их никто не трогал. Их «золотой век» закончился в 1930-х годах с раскулачиванием. Консерватизмов может быть много, true-консерватизма никакого нет, есть элементы использования этой идеологии для решения политических задач той или иной группой, поэтому консервативный интернационал по определению невозможен. Я хотел обратить внимание на реплику господина Бенедиктова о том, что есть бизнесмены, они создают консервативные проекты, чтобы что-то решить. Я не верю в особую идейность братьев Кохов в Америке, и тем более не верю в идейность тех людей, которые играют в консервативные проекты в современной Европе. В нынешнем, победившем, к сожалению, времени постмодернизма консервативная повестка – это некий элемент политической сборки тех или иных групп под конкретного политического деятеля или под конкретный политический проект.

Н.В. Злобин. В России, наверное, так и есть. По крайней мере сейчас. Все эти

разговоры привели меня к одной мысли: идея консерватизма стала актуальна недавно по всем понятным причинам, а мы сейчас пытаемся под это подогнать большую идею. Если бы отношения с США и Европой строились немножко по-другому, мы сейчас обсуждали бы либерализм. Насколько глубоки корни настоящего, идейного, серьезного системного консерватизма в российском обществе? Вот вы говорите: «С кем работать?». Они начнут сейчас работать, а через три года Россия опять повернется к Европе лицом, опять захочет строить что-нибудь либеральное. Я двадцать пять лет живу за рубежом, весь мир смотрит на Россию как на страну фантастически непредсказуемую. Поговорка «умом Россию не понять» – это на самом деле приговор, а не комплимент. Все эти разговоры заканчиваются тем, что приходит очередной лидер, разворачивает страну в другую сторону, провозглашает другие лозунги и другие темы для дискуссий. Они там все серьезные консерваторы, а мы – конъюнктурные. Я имею в виду политических консерваторов вообще. В этом опасность серьезного углубления в такие темы, потому что завтра изменится политическая повестка, изменится направление развития. Нам нужна модернизация – это совершенно верно. Это серьезная проблема, как модернизировать страну, чтобы не повторять либеральный вариант. Я либерал, мне нравится критиковать консерватизм, но либеральные попытки модернизации меня тоже пугают. Если будет ответ на вопрос, как консервативными методами возродить эту страну – да!

О.К. Авдеев. Для нас всех характерна некая спутанность понятий. В одном докладе мы жалуемся, что бедных консерваторов обижали, потому что их почти фашистами называли. Потом получается, что консервативные партии – фалангистские. Отсюда и полемика возникает, что Европа гнобила консерваторов почем зря. То получается, что в послевоенной Европе победили консерваторы. В одном смысле, условно, и фашисты – консервативное течение, а в другом – консерваторы всегда пытались отбиться от этого. Есть разные понятия, есть разные течения. Можно взять слово «консерватизм» в самом широком смысле, а можно разделить не только на «true»

и «фальшь», а на левых консерваторов, правых консерваторов, протофашистских. Я не пытаюсь дать сейчас конкретную классификацию. Мне кажется, чтобы наши беседы были консервативными – это является задачей дня, но задачей не прагматической, а научной, – следует продумать нормальную классификацию, чтобы не было путаницы с понятиями. Сегодня она наблюдалась.

М.В. Ремизов. Я исхожу из того, что фактор нашей мягкой силы по отношению к Западу проявляется в способности вообще вести идеологический диалог с идеологическими полюсами на Западе. Это значит, что у нас для всех идеологических партнеров на Западе должны быть свои настоящие консерваторы для настоящих консерваторов, настоящие либералы для настоящих либералов, должна быть живая идеологическая среда по всем флангам. Тогда будет понимание того, что пусть мы не согласны, но мы находимся в едином цивилизационном пространстве. Сейчас есть возможность вытянуть русский консерватизм на уровень полноценного полюса, то есть сделать из нынешнего консервативного фасада нечто эшелонированное, сопоставимое с тем, что есть в западной политической традиции.

А.П. Козырев. В середине 1990-х годов было много диссертаций по консерватизму. Это был не ответ на запрос власти. Русские консерваторы всегда были больше эстетиками. Розанов, Леонтьев, в каком-то смысле Меньшиков, литературными изгнанниками и в итоге неудачниками в плане реальной политической работы. Я не говорю, что новый консерватизм обязательно потерпит неудачу. Мне кажется, что консерватизм не может быть политическим проектом России. Им может быть, например, новое покорение Сибири как экспликация консерватизма, так как консерватизм связан с развитием. Или какая-нибудь новая социальная политика, предполагающая изменение положения человека в обществе, но не консерватизм как таковой. Потому что консерватизм – это некая форма, форма тоже важна, она диалектически связана с содержанием. Мы это знаем из марксистско-ленинской философии, из гегелевской философии.

Б.В. Межуев. Хочу высказать два возражения. Консерватизм – это даже не форма, это попытка нащупать собственное ценностное содержание в в нашей долгосрочной политике. Я исхожу из того, что форму нам придает политическая модернизация. У нас нет политической формы, мы не знаем, какое у нас государство, в каком государстве мы существуем. У нас функции правительства и функция верховной власти меняются в зависимости от политических фигур, которые занимают те или иные должности. Тогда был один строй, теперь другой строй. Требование устойчивой, долгосрочной политической формы – требование политической модернизации. Я не уверен, что консерватизм – это форма. Консерватизм – это некий ценностный ориентир или даже табу, которое нельзя нарушать и разрушать при движении к той или иной форме. Мы можем обратиться к консервативным авторам. Например, Филипп Рифф, всем известный социолог, считал, что все общественное устройство строится на табу. Важно учесть новизну ситуации, в отличие от 1996 года и даже «нулевых» годов. Мы впервые используем идеологию как инструмент сопротивления физиологии мирового гегемона начиная с советского времени. Потому что до сегодняшнего дня у нас все строилось так: какой американский президент действует, надо подстроиться к нему и создать что-нибудь аналогичное. Был у нас Клинтон, вся страна говорила о глобализации. Приходит Буш – все стали консерваторами республиканского толка, стали говорить о жесткой силе и любить Евросоюз. Я помню, как вся пропаганда строилась вокруг этого. Когда приходит Обама, то начинается модернизация и т.д. У нас впервые за все время возникла игра на противофазе. Хорошо это или плохо, успешно или нет, но этот исторический опыт игры на противофазе надо учесть, понять, насколько мы в принципе готовы вести такую игру. Возможно, это закончится фиаско, а может, и неожиданным успехом. Если верить Вячеславу Алексеевичу [Никонову. – *Ред.*], то шансы есть. Понять, что это новая ситуация, может быть, отчасти и конъюнктурная, но исторически беспрецедентная, важно.

М.М. Федорова. Вы сами себе противоречите. С одной стороны, игра на противофазе как факт международной политики, с другой стороны, работа с традиционными ценностями. Я бы сказала, что использование традиционных ценностей в качестве игры на противофазе с международным контрагентом – это бесчестное отношение к собственному народу.

Б.В. Межуев. Есть в ваших словах доля моральной истины. Любое инструментальное использование ценностей всегда пахнет чем-то нехорошим. Но, к сожалению, в этом и есть политика.

В.А. Никонов. Первое. Николай [Н.В. Злобин. – *Ред.*] сказал, что Россия непредсказуема, ее сложно представить в консервативном контексте, потому что она сначала в одном состоянии, потом в другом... В этом я не уверен. Россия, меняясь, остается самой собой, и мир остается весьма консервативным, в нем действуют одни и те же правила игры, которые здесь прозвучали – это противодействие гегемонизму. Если ты великая держава, то ты участвуешь в этой весьма консервативной схеме. Либо ты противодействуешь гегемонизму, либо твоему гегемонизму кто-то противодействует. Поэтому наша судьба достаточно определена, и она весьма консервативна. Весь XIX век, с точки зрения мировой политики, был периодом консервативной политики, основанной на *real-politic*. С этой точки зрения Россия очень предсказуема, так как она участвует в этой системе сдержек и противовесов, противодействия гегемонии. Это будет продолжаться. Вторая мысль. Абсолютно правильно, что мы должны договориться, о чем говорим. Много разногласий просто потому, что словом «консерватизм» называют разные вещи, разные идеи, разные организации. Наверное, результатом деятельности нашего Бердяевского клуба должно быть определение понятий, о чем мы говорим. Третье. У нас очень западноцентристский дискурс; а Запад это $\frac{1}{10}$ часть человечества, самая влиятельная и мощная, но там уже меньше половины мировой экономики,

а Китай, как выясняется, в этом году обгоняет США. Мир меняется. Совершенно разные нужны консерваторы для Запада и Востока. Нужно эшелонированно все выстраивать. Компартия Китая – это консервативная, конфуцианская, буддистская и традиционалистская сила, за которой стоит пять тысячелетий традиции. В системе государственной власти Китая они ничего нового не придумали, просто это иначе называется сейчас. Обычная традиционная китайская матрица осталась прежней. В Северной Корее – нормальная восточная деспотия, весьма консервативная. Да, действительно, надо эшелонированно выстраивать и не замыкаться на том, что консерватизм это только «Единая Россия» и всё. У нас общество в значительной степени консервативно, поэтому мы резонируем, кто из них правый, кто левый. У нас русская идея скорее левая, чем правая. Идея левая, но традиционалистская. В этом и состоит российская традиция, потому что консерватизм – это в первую очередь учет традиций.

К.С. Бенедиктов. Хотел бы поддержать выступление про Китай. Китай является для нас действительно одним из важнейших и перспективных партнеров. В России драматически не хватает специалистов и институтов, которые занимались бы Китаем. Там порядка двадцати институтов, которые занимаются изучением России, и безумное количество специалистов. Я писал исследование по становлению современной китаистики у нас в России, получилась очень печальная история. Реальных китаистов можно перечислить по пальцам одной руки.

В.А. Никонов. Ну, не так плохо. Есть китаисты. Я в Китае каждый год бываю как минимум дважды и с нашими китаистами тоже общаюсь. У них меньше хороших специалистов по России, чем у нас хороших китаистов. Дело не в количестве.

К.С. Бенедиктов. Дело в качестве, безусловно. Но я считаю, что их категорически не хватает. Было бы очень полезно, если мы в нашей деятельности по развитию консерватизма как-

затронем тему подготовки наших специалистов по Китаю и созданию специальных институтов.

Н.А. Куркин. Когда мы говорим, что забываем про весь большой мир и говорим только о Западе, мы забываем, что эта небольшая часть мира является интеллектуальным центром, который вырабатывает идеи. Это фабрика мысли, которая работает без перерыва. Когда мы слышим, что консерватизм как идеология находится в кризисе, совершенно верно. Так происходит по тем причинам, о которых я говорил, об этом закольцованном времени, которое существует. Наступление социального либерализма идет с 1968 года, а с конца 1980-х годов оно приобретает все новые ударные темпы, размывает консерватизм как идеологию. Соответственно наша работа и роль России состоит в том, чтобы выступить внешним агентом, который поможет дать этой идее вторую жизнь.

М.М. Мчедлова. Я поставила четыре вопроса. Первый: как возможен консерватизм в России? Как возможен консерватизм вообще и как он возможен в России?

Второй связан с политической модой на те или иные идеи в умах политического класса. Видение же образа будущего отсутствует напрочь.

Третий вопрос: есть ли социальная опора для такого рода идеологий, такого рода социальных практик? Если обратиться к социологическим исследованиям, только 3% у нас выступают за революцию как форму переустройства. Зато 28% видят в качестве ключевой идеи развития России жизнь без потрясений. Это не так мало, вероятно, им можно доверять, это общероссийская выборка.

Четвертый вопрос пронизывает всю историю российского консерватизма как идейного течения. Это сейчас проявляется в социологических исследованиях, особенно качественных, – нравственный идеал. Потребность в нравственных ценностях, вымытых из повседневной жизни, таких как красота, истина, благо, труд. Вроде это все слова, но, оказывается, без них человеческая жизнь не имеет ни смысла, ни значения. У нас в иерархии ценностей сейчас деньги наверху, но они не могут это всё заменить. Из глубинных

интервью следует, что существует колоссальная потребность в возвращении в обыденную жизнь этих высших ценностей.

Закончу свою речь одной фразой из глубинного интервью. На вопрос «Что бы вы хотели видеть в качестве образа России?» мужчина сорока шести лет, на государственной службе ответил: «Красоту и духовность». Я не думаю, что это можно забыть и подменить инструменталистскими практиками.

М.В. Ремизов. Как настоящий консерватор я проснулся в ответ на вызов со стороны Николая [Н.В. Злобина. – *Ред.*]. Все думаю, что кроме конъюнктурного лоббирования в связи с «пинг-понгом» Путина и западных лидеров за всем этим стоит? Консерватизм дает России возможность органичного геокультурного позиционирования, геокультурной идентичности. Позиционирования в качестве настоящей Европы на фоне Европы, которая отказывается от своих ценностей, ценностей зрелого европейского народа, где соединились и просвещение, и национальное государство, и политический романтизм, и реформация с контрреформацией. На этом синтезе Европа не удержалась, и с 1960–1970-х годов она стала активно его разрушать и уничтожать. В этой ситуации Россия может позиционироваться не как скифы и азиаты с широкими и жадными очами, а как некий ковчег европейских ценностей вчерашнего дня. Как консерватор добавлю, что ценности вчерашнего дня априори не хуже ценностей дня сегодняшнего или завтрашнего.

Я согласен с Борисом [Б.В. Межуевым. – *Ред.*], что консерватизму присуще определенное недоверие к будущему. Если точнее, то презумпция восприятия будущего как сферы, откуда приходят вызовы. То есть будущее – это область, откуда идут вызовы, и «стрела времени» (метафора прогрессистская), с точки зрения консерватора, летит на него. Нужно иметь щит, с помощью которого от нее можно защититься или увернуться. Это важно, потому что консерватизм – это не политическая платформа и не партийно-политическая. Я очень скептически отношусь (поддерживаю тех, кто об этом говорил) к тому, что консерватизм у нас политический проект. Консервативно-политических проектов

может быть много. Но консерватизм – это мировоззрение. Оно позволяет консолидировать элиту. Это мировоззрение довольно сложное в освоении: для того чтобы азы этого мировоззрения схватить, нужно находиться в диалоге с разными эпохами и фигурами, нужно иметь хороший бэкграунд. Консерватизм – направление, которое сможет консолидировать элиту и показать, что борьба на мировой шахматной доске идет не только между державами, корпорациями, она идет между большими идеологическими школами. Эта борьба идет через столетия, и, если мы посмотрим на Запад, то он не монолит в этой борьбе, Запад – арена этой борьбы. Если мы посмотрим на культурно-философскую историю Запада, то это арена «холодной» гражданской войны.

Последний тезис, почему это неконъюнктурно и важно с точки зрения именно отношений России и Запада: консерватизм – это способ для русских понять, что имеет место не противостояние «мы против Запада», а что мы находимся в одной лодке с определенными западными школами. Для русского почвенника, который привык всегда воспринимать Запад как аморфную угрозу, как некое обобщенное Иное, консерватизм – это традиция, которая дает повод увидеть, что у нас там союзники и что мы говорим о своих проблемах нашими общими с Европой словами. И что наш упрек Западу, Европе состоит не в том, что вы на нас давите, а в том, что вы, предавая нас, предаете и себя. Это гораздо более сильная позиция с точки зрения геокультурной экспансии и влияния. «Предавая нас, вы предаете и себя!» – вот, о чем говорит русский консерватизм немцам, французам, итальянцам, и он прав. Не скажу американцам, с американцами сложнее.

М.М. Федорова. Спасибо большое. Думаю, мы будем завершать нашу беседу. Наша встреча состоялась, есть определенный результат. Сегодня речь шла о Бердяеве, консерватизме западном и российском. Но, по большому счету, все мы говорили об одном и том же – мы говорили о России, о ее будущем и настоящем, мы пытались размышлять о ее идентичности, о том, что нам всем вместе предстоит делать для того, чтобы увидеть Россию сильной

процветающей страной. Мы можем называть этот проект по-разному, можно назвать его «консерватизм», можно назвать по-другому. В общем, мы были здесь все едины. Мы говорили о разных консерватизмах, приводили разные течения, аргументы, но сквозила одна мысль, которая нас всех объединяет: нам всем нужна сильная страна, сильное государство, под эгидой которого мы могли бы развиваться, совершенствоваться, воспитывать своих детей и оберегать свои семьи. Это то, к чему мы все стремимся.

Здесь предлагались разные варианты, разные пути и политические стратегии. Хотя мы все старались обозначить их как консерватизм. В результате нашего обсуждения выделился целый круг задач. Самое главное, мы поняли, что мы, люди, которые занимаемся консерватизмом много лет, мало знаем в этой сфере. Нам нужно еще много работать, чтобы сформировать свое понимание консерватизма как определенной идеологической матрицы, а также понимания того политического проекта,

который мы хотели бы предложить для развития нашей страны. Все стремятся к общему благу, как говорил Руссо, но каждый видит этот путь по-своему.

Выражу мнение организаторов конференции, поблагодарив всех вас за участие в дискуссии. Надеюсь, что работа этой конференции станет более или менее постоянной. Все, кто принимал участие в дискуссии, испытали в этом потребность, потому что немало вопросов осталось непроясненными, непроговоренными. Наметились, на мой взгляд, очень плодотворные ходы мысли, связанные с переосмыслением консерватизма в современных условиях. Каким образом можно назвать совокупность тех факторов, которые мы хотели бы видеть в качестве некоей идеологической матрицы сегодняшней России, если это не назвать словом «консерватизм»? Это большой вопрос. Поэтому я хотела бы поблагодарить всех за участие в дискуссии и выразить надежду, что мы встречаемся за этим столом не последний раз. Спасибо всем.